

Топот копыт поколебал небеса в четырех странах. Победители купались в своей славе, в то время как побежденные боролись с еще большим количеством ран, а мертвые не имели полного трупа.

Под всем золотом, серебром, сладким вином, страстными танцами и прочими приятными привилегиями, был скрыт ужас, заставлявший бедных крестьян жить в страхе.

Здесь не было видно особого ущерба, нанесенного войной, поскольку здесь были слишком опасные места, даже армия Юнь Чана считала бесполезным дремучий лес.

Недалеко от пустыни Бэй Мо, находился лес, столь густо заросший деревьями, что даже солнечный свет не мог просочиться сквозь его кроны, он простирался на сотни миль. В течение года бесчисленные звери и ядовитые жуки скрывались в тенях, принадлежавших этому месту.

Даже лесорубы и охотники, выросшие поблизости, осмеливались заходить только на край леса, чтобы заработать на жизнь. Очень немногие могли набраться смелости заглянуть в этот обширный, таинственный лес.

Кто мог вспомнить, что в этом густом лесу была гора?

Гора Дяньцин.

Ее вершины были слишком крутыми. Однажды там появилась женщина, командовавшая тысячами солдат, присевшая у источника воды, легко зачерпнувшая ее горсть.

Пейзаж был изящным, как ее глаза. Вода горы была сладкой, как ее пение.

Она была знаменита тем, что тронула мир своим умением игры на цине своими тонкими пальцами. Однако из-за нависшей над городом Каньбу опасности, она была вынуждена командовать военной мощью Бэй Мо.

В те времена, чья-то душа привела вражескую армию к лагерю на вершине, готовом противостоять всемирно известному генералу – герцогу Чжэнь-Бэю.

Здесь проходили подводные течения, убийства, ложь и заговоры, пока, наконец, ее желание не было исполнено.

И его.

Прошлых несчастий больше не существовало.

И кто знал, что перед тем как свалиться со скалы, они снова решат поклясться луне и в сладкой неге ехать на лошади? Когда путь Облачной долины внезапно оборвался, они сделали все, чтобы во время падения крепко обнять друг друга.

Никто.

Никто не понимал.

Почему герцог пришел?

Ради нее.

Но какое значение имел тот факт, что никто не понимал? Ветер знал, облака знали. Свисающие ветви деревьев и падающие спелые красные фрукты слышали и видели всё.

Луна в небе стала им свидетелем.

«Давай поклянемся Луне, никогда не предавать друг друга».

Но если он действительно так ее любил, как он мог противостоять ей?

Как он мог?

У диких ягод в долине был жгучий вкус, Пин Тин прислонилась к дереву, вытерпев все это.

Прогрепевший на весь мир герцог Чжэнь-Бэй, после своего бесследного исчезновения, жил здесь.

Он все забыл.

Он забыл Дун Линь, Бэй Мо, Гуй Лэ, Юнь Чан, военную мощь и трон. Он забыл приветствия крестьян и славный триумф, испытанный верхом на коне.

Он помнил только то, что потерял.

Ты убил Пин Тин. Ты ненавидел ее и отправил к Хэ Ся, чтобы она в одиночестве умерла в снегу.

Вяли цветы, и листья опадали с деревьев, дождями моросила осень.

Его возвышенные чувства и устремления были теперь медленно текущей рекой.

Его не волновало то, что люди на всем свете смеялись над состоянием, в которое он впал, и не волновала слава быть всемирно признанным генералом. Потому что он потерял Пин Тин.

Пин Тин, Бай Пин Тин из резиденции герцога Цзин-Аня. Ее имя распространилось по всему свету, а рассказы о ней никогда не покидали людских уст.

Но только он знал, какой женщиной она была на самом деле, и то насколько она была прекрасна, что разрушила ему душу.

Если будут солдаты,

будет слава;

если будет слава,

то будет обман;

Он слушал самый прекрасный цинь и самую красивую песню.

Солдаты знают обман,

солдаты знают обман...

Звук циня был приятен уху, как водопад мягких черных волос, разлившийся по земле, как

маленький поток на горе, как парящие в облаках птицы.

Годы медленно текли сквозь его тело, но мысли ни разу не замерли ни на миг. Горный ветер, которым он дышал, напоминал ему о поцелуе прекрасных волос Пин Тин. Его глубоко скрытое в лощине жилище хранило в его воспоминаниях факт похорон.

Он был так же безумен, как в первый день, когда узнал об утрате Пин Тин.

Чу Бэй Цзэ сидел под деревом. Он не знал, сколько дней так провел, и не знал, как долго будет так существовать. Дикие растения в долине цвели круглый год, поэтому ему не нужно было беспокоиться о том, чтобы оставаться голодным. Он небрежно сорвал что-то и положил в рот. Довольно многие из фруктов были сладкими, но иногда попадались один или два невыносимо горьких. Они, казалось, совпадали с болью в его сердце, поэтому он просто без лишних жалоб проглатывал их.

Горный ветер пронесся сквозь лес, неся в него легкий холод.

Солнце скрылось на западе, оставив пару красноватых облаков. Они спрятались на другой стороне горы, будто были в легких сомнениях.

Хотя Чу Бэй Цзэ был опустошен, у него все еще был хребет, он привык с детства разводить огонь, поэтому не боялся холода и зверей, в темноте ночи выходивших на охоту. Он сидел под деревом, пока не взошла яркая луна, время, когда он думал о Пин Тин больше всего. Его горящее сердце снова разрывало от невыносимой боли.

Он встал из-под дерева, медленно пробираясь к скромной хижине, которую построил сам.

Каждый день имел простой цикл. Даже сам Чу Бэй Цзэ никогда не думал, что разрушит свои амбиции ради женщины и окажется в ловушке в горном лесу.

Чу Бэй Цзэ поднял голову. Грубо сделанная хижина была прямо перед его глазами, стоя в долине, одинокая и безжизненная, как ее владелец.

Только теперь он понял, насколько ценны были дни, проведенные им с Пин Тин. Время, когда они смотрели на звезды, слушали цинь и восхищались снегом.

Скрип... В деревянной двери не было замка. Он распахнул ее толчком. Простая совершенно обычная мебель возникала в его глазах одна за другой.

Затем неожиданный цвет мелькнул на краю видимости Чу Бэй Цзэ.

Замерев у двери, Чу Бэй Цзэ медленно поднял глаза. Этот элегантный цвет в глубине его глаз

медленно начал собираться в силуэт, образуя легкую вспышку. Казалось, она навела некоторую резкость во взгляде герцога Чжэнь-Бэя, словно с болью смахнув густую пыль.

Тонкий, изысканный, скромный и молча стоящий в комнате, он был чем-то похож на бесконечный сверкающий луч. Он сиял во всех направлениях, превращая эти простые столы, стулья, окна в нечто наполненное цветом.

Там стоял всего один человек, только один вид спины которого мог чудесным образом объединить небеса и землю.

Чу Бэй Цзе ошеломленно стоял в дверях, а в его глазах вспыхнул свет. Он увидел чудо.

Чудо, которое не смел ожидать узреть в своей жизни.

Чу Бэй Цзе мог поклясться, что это был самый великолепный вид, который он когда-либо видел в своей жизни.

Пин Тин, это должна была быть Пин Тин...

Помимо Пин Тин, никто не знал о грусти и радости в долине под путем Облачной Долины? Никто не знал, что они провели ночь вместе, будучи столь счастливы и нежны, что казалось, растворятся в воздухе?

И кто еще мог знать обо всем случившемся в этом обширном, дремучем лесу?

Пин Тин, только его Пин Тин.

Пин Тин, упавшая вместе с ним с пути Облачной Долины, Пин Тин, плакавшая, смеявшаяся и обнимавшая его в этой долине, полной диких ягод.

Небеса сжалились, потому что ее душа осталась.

Пин Тин, Пин Тин, ты, наконец, готова увидеть меня.

Чу Бэй Цзе поспешно сделал шаг вперед и, затаив дыхание, резко остановился.

Не надо, не пугай ее.

Если бы он это сделал, она могла мгновенно стать дымом, волшебным образом превратиться в туман и исчезнуть с дуновением ветра.

Когда-то знаменитый герцог Чжэнь-Бэй замер на месте, чувствуя себя беспомощным. Он с жадностью изучал любимую женщину сверкающими глазами, но боялся, что один звук развеет прекрасное видение.

Пин Тин, ты, наконец, наконец, готова увидеть меня.

Я хотел бы извиниться перед тобой за каждый намек на боль, которую тебе причинил.

Я готов отдать тебе все – свою жизнь, смерть и честь в качестве возмещения.

Зачем нужны жизнь и смерть? Только не дай мне снова тебя потерять.

Это самое жестокое наказание на свете.

Чу Бэй Цзе не смел закрыть глаз, чтобы моргнуть, отвести взгляд от вида этой спины, воспоминания о прошлом хлынули, как лавина.

Боль, сожаление, удивление, благодарность и властная любовь – все разом обрушилось на его сердце. Его грудь словно разбухла, пока на мгновение не стало казаться, что она вот-вот разорвется на части, в результате чего самый отважный на поле боя генерал больше не смог сдержаться. Он понизил голос, словно читая по слогам имя, постоянно возвращавшееся, чтобы мучить его.

– Пин Тин?

Это ты?

Это, правда, ты?

Луна снова в небе. Ты пришла ко мне, потому что все еще помнишь нашу клятву, даже если твоя душа улетела в место в тысячах миль отсюда?

Вид спины в комнате слегка дернулся. Ее движения были изящными, словно бриз, сметающий хрупкие почки ранней весны. Он был таким спокойным, таким нежным. Всего было так много, словно волшебный сон.

Это сказочное лицо дюйм за дюймом повернулось к его глазам.

– Герцог, ты вернулся?

Это Пин Тин, это действительно была Пин Тин!

Черные глаза Чу Бэй Цзе заволокло слезами, при виде счастливого, слабо улыбающегося лица.

Ее улыбка показала, что хотя на ее бледных щеках была легкая усталость, изящество никуда не делось.

Она пришла.

После бесчисленных болезненных, душераздирающих мыслей она, наконец, пришла.

Сила, которую он утратил из-за старения и отчаяния, теперь, казалось, потекла из земли под ним в его ноги. Она охватила его, потянув вниз, так что он почти упал на колени, чтобы поблагодарить этот раскинувшийся на сотни миль дремучий лес.

Он подарил ему чудо, чудо, которое принадлежало его жизни.

Он стоял, смущенно глядя на свою самую любимую женщину, которая изящно шла к нему.

- Герцог, Пин Тин пришла, чтобы исповедаться в своих грехах.

Ее голос звучал красиво и мягко, каждое слово напоминало жемчужину, упавшую в нефритовую миску. Он думал, что до этого был глух.

Это было долгое и трудное путешествие, но какое это имело значение, поскольку все время развеялось, как дым?

Пин Тин перед ним была по-настоящему красивой, сном, от которого люди не желали бы проснуться. Герцог Чжэнь-Бэй, заставивший похолодеть сердца столь многих врагов, даже не имел смелости поднять руку, чтобы едва коснуться этой фигуры. Он боялся, что с одним единым касанием кончика пальца все рухнет.

Темные глаза Чу Бэй Цзе смотрели на нее, выходя за рамки слов.

Зачем признаваться?

Разве не он должен просить прощения?

- Пин Тин ошиблась, как делают все женщины, - Пин Тин серьезно посмотрела на него, смягчив при этом голос: - Пин Тин заставила мужчину, глубоко любившего ее, страдать, - уголки ее губ поднялись, обнажая кривую улыбку. - Но сердце Пин Тин тоже было разбито герцогом.

Улыбка прямо достигла его сердца, а прекрасная женщина стала ближе в его глазах.

Пин Тин поджала губы и улыбнулась.

Ее улыбка была невероятно прекрасной. Чу Бэй Цзе не выдержал, и осторожно протянул руку, чтобы схватить запястье Пин Тин.

Ладонь, которой он коснулся, была мягкой, нежной и теплой.

Теплой?

Чу Бэй Цзе с недоверием посмотрел на стоящую перед ним Пин Тин. Она действительно не была похожа на призрака. Он ослабил хватку, прежде чем снова вцепиться в ее тонкую руку.

Она была теплой.

Ее сливочная кожа была очень теплой, такой теплой, что слезы, которые Чу Бэй Цзе сдерживал так долго, наконец, пролились.

Жива, она все еще была жива?

Она не была призраком, а живой Пин Тин!

Мощная, удивительная радость потрясла его ожесточенней, чем метель, вызвав у Чу Бэй Цзе сильное потрясение.

- Пин Тин... Пин Тин, ты все еще жива? - он распахнул объятия, отчаянно сжимая ее в них.

Этого реального ощущения было достаточно, чтобы кое-кто пустил слезу.

Пин Тин послушно позволила себе быть похороненной в его объятиях. Она прошептала:

- Пин Тин не потеряла свою жизнь в волчьей стае. Мне жаль, что герцог беспокоился, герцог злится?

- Нет, нет, - Чу Бэй Цзе энергично затряс головой.

Радость наполняла каждую пору его тела.

От чего злиться? Пин Тин жива, она все еще жива, она жива!

Это была самая счастливая новость на свете, так от чего нужно злиться?

Он чувствовал, что счастье сливается с его окружением.

Спасибо небесам и земле, спасибо горам и лесам, спасибо всему миру, который связан с богами, ибо Пин Тин все еще была жива!

Благоговейно бормотал Чу Бэй Цзе, признав и поблагодарив за чудо, которое Бог даровал ему.

Знакомый запах, принадлежавший только Пин Тин, проник ему в нос. Он цеплялся за тонкое тело в его руках.

Казалось, он потерял способность говорить и не знал языка, чтобы выразить свои внутренние радость и волнение.

Он использовал каждую малость силы в своем теле, чтобы ощутить Пин Тин в своих объятиях. Он чувствовал каждую капельку тепла в ее маленьком теле, каждое сердцебиение и каждое легкое движение.

Он продолжал бояться и быть осторожным, пытаясь контролировать дрожащие руки, обнимавшие любимую женщину.

В этой жизни он никогда и ни за что, не отпустит ее снова.

Солнце поднималось с востока в столице Юнь Чана.

После долгой ночи принц-консорт, наконец, пришел к императорскому дворцу.

Императорский дворец обрел ряды новых сокровищ, каждая дань была прекрасней предыдущей. Богатая обстановка оставалась изначальной, за исключением всей стражи, защищающей императорский дворец. Каждый из новых охранников был лично отобран среди сотен других. Каждый из них подчинялся только принцу-консорту, тщательно охраняя единственную хозяйку Юнь Чана – принцессу Яо Тянь.

- Принц-консорт.

- Мы приветствуем принца-консорта.

Хэ Ся прошел мимо толпы охранников, наконец, добравшись до самого изысканного и самого тихого двора императорского дворца. Он поднял голову, явив свои красивые черты лица.

Он увидел Яо Тянь.

В башне у окна сидела его беременная жена. Она больше не была одета в сложное благородное платье принцессы, сменив его на простой элегантный одноцветный наряд. Ее шелковистые черные волосы сбегали вниз, словно водопад, свободно лежа на плечах.

От её вида сердце Хэ Ся было брошено в сложное и довольно спорное чувство.

Она была источником военной силы Хэ Ся. Когда он страдал, она дала ему новую надежду.

Тем не менее, она также ограничила военную мощь Хэ Ся.

Пока у императорского дома Юнь Чана было хоть одно дыхание, Хэ Ся никогда не смог бы убедить армию Юнь Чана создать новую страну.

Он никогда не смог бы подняться на трон.

Независимо от того, сколько территорий он завоеует, он будет всегда только принцем-консортом или отцом будущего императора.

Он всегда должен будет преклонять колени перед своей женой, а в будущем должен будет кланяться своему сыну.

Сердце Хэ Ся упало, когда он медленно поднялся по лестнице.

- Принцесса.

Услышав его голос, Яо Тянь медленно повернулась на своем месте у окна, открыв половину своего прекрасного лица, и прошептала:

- Принц-консорт, наконец, пожелал увидеть меня.

Хэ Ся торжественно поклонился ей, сделал шаг вперед и сел напротив Яо Тянь.

- У принцессы все хорошо?

- Я в порядке, - медленно ответила Яо Тянь. Ее взгляд остановился на солдатах Хэ Ся. Ее

выражение лица немного изменилось, прежде чем мгновенно вернуться к безразличию. Она спросила: – У принца-консорта все хорошо?

Хэ Ся опустил голову, посмотрел на свое плечо и ответил:

– Цзэ Инь послал мне письмо с вызовом. Как и ожидалось от главнокомандующего армией Бей-Мо, он действительно сумел ранить меня. Принцесса беспокоилась обо мне?

Яо Тянь ответила:

– Принц-консорт уже самый сильный человек на свете. Зачем мне волноваться?

Хэ Ся поднял взор, чтобы на мгновение встретиться с ее яркими глазами. Она знала, что не сможет скрыть своего разочарования и печали, а также ненависти, которую он ожидал увидеть.

– Принцесса ненавидит меня? – он вздохнул.

– Если я скажу «да», принц-консорт убьет меня? Как убил премьер-министра и всех прочих?

На красивом лице Хэ Ся появился след жалости. Он выпрямился и встал, помогая Яо Тянь подняться.

– Принцесса, пожалуйста, встань.

Он привел Яо Тянь на балкон башни, с видом на весь мир.

– Принцесса, пожалуйста, взгляни. Наши лошади пронеслись по всему миру, ни разу не встретив ни единого препятствия. Четыре страны теперь практически в моем кармане, и обещание, данное Хэ Ся принцессе, скоро исполнится. Как моя жена и принцесса, ты не чувствуешь себя счастливой за меня?

Яо Тянь опустила глаза. Долгое время спустя ее красные губы задвигались.

– Принц-консорт, я правда, должна быть счастлива, что люди принца-консорта достигли краев мира, или я должна беспокоиться о будущем своего императорского дома Юнь Чана?

– Принцесса...

Яо Тянь резко подняла голову и, схватив Хэ Ся за руку, мягко сказала:

- Если принц-консорт действительно любит Яо Тянь, пожалуйста, дай мне обещание. Принц-консорт, ты должен отказаться от создания новой страны. Пообещай Яо Тянь, что мой императорский дом Юнь Чана никогда не исчезнет в этой цепи победоносных сражений.

Она смотрела в глаза Хэ Ся своими собственными, ясными и яркими. Хотя Яо Тянь было запрещено выходить наружу, она все еще была самым высокопоставленным членом императорского дома Юнь Чана. Она держалась за правление, признанное всеми. Хэ Ся не сдержавшись, отвел взгляд от ее глаз в тот же момент, вырвавшись из ее рук. Он повернулся, пока не встал к ней спиной и вздохнул:

- Почему мысли принцессы настолько узки? Мы муж и жена, даже если я стану императором, принцесса определенно станет императрицей. Обе наши позиции одинаково важны. Не говоря уже о том, что принцесса беременна моей плотью и кровью...

- Принц-консорт не может стать императором, - Яо Тянь застыла на мгновение. Ее тон становился все тяжелее и холоднее, когда она подчеркивала свои слова: - Ребенок в моем животе должен стать будущим императором.

Хэ Ся услышав ее более резкий тон, повернулся и смягчил голос:

- Принцесса...

- Принц-консорт не должен больше ничего говорить. Пожалуйста, уходи, - Яо Тянь упрямо прервала его.

Он тут же застыл.

Выражение Яо Тянь было спокойным, она стояла там, благородная, с величавой гордостью, сочившейся из ее костей. В этот момент Хэ Ся необычайно глубоко ощутил, что его прекрасная и нежная жена, которую он всегда мог очаровать своими речами, действительно была представительницей древней императорской фамилии.

<http://tl.rulate.ru/book/8939/507160>